

ВОССТАНЬ ИЗ БЕЗДНЫ...

ПРОКЛЯТИЕ ЦВЕТЕНИЯ

АРКА ЮЖНОГО РЕГИОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

SCHREIBER

18+

Solomon Schreiber

Проклятие Цветения

<https://litres.ru/74416197>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лилия живёт в маленькой деревне среди холмов и цветов, где по ночам поднимаются мёртвые, а единственная защита - крепкие стены и отец, каждый день уходящий сражаться с проклятием, превратившим почти весь мир в мёртвую пустыню. Ей кажется, что она знает, по каким правилам существует мир после страшной войны.

Но в её беспечной жизни происходит то, что заставляет Лилию кардинально поменять отношение ко всему происходящему. Должна ли она стать такой же безжалостной, как и весь остальной мир?

Содержание

Пролог. Одуванчик и Ромашка	4
Глава 1. Белая лилия	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Solomon Schreiber

Проклятие Цветения

Пролог. Одуванчик и Ромашка

Пролог. Одуванчик и Ромашка

Я очнулась ото сна. Слишком продолжительного сна, чтобы суметь вспомнить, что же было до него. Будто моё существование началось с этого самого сна. Я чувствовала сердцем, что у меня там были близкие. Я хотела вернуться, чтобы снова им улыбнуться, чтобы снова обнять. Но ведь у меня даже сердца нет, что уж говорить о руках...

Было ли всё это реальностью? Или это действительно был просто сон? Я уже не знаю. Сколько я уже здесь? В этом тёмном и тёплом месте. А темно ли здесь? У меня ведь нет глаз, чтобы понять это. Вдруг солнце озаряет всё вокруг? Вдруг я нахожусь на просторной поляне, усеянной прекрасными цветами? И я не могу увидеть эту красоту, потому что у меня нет глаз... Как же мне жаль слепых. Не знаю даже, кого из них больше. Тех, кто слеп с рождения и никогда не видел этого мира. Или тех, кто видел, но утратил эту драгоценность.

Цветы. Они такие разные. Прямо как люди. Некоторые с шипами. Они не хотят подпускать к себе. Они так восхитительны, но так одиноки. Некоторые ядовиты. Они притяги-

вают к себе, но лишь для того, чтобы воспользоваться чужой слабостью. Некоторые прорываются через камни. Они сильны, и ничто не может их остановить. Но почему я не могу представить себе, что в таком тихом месте могут быть такие цветы? Если я сейчас посреди поля, то оно обязательно должно быть покрыто абсолютно другими цветами. Простыми. Спокойными. Безмятежными. Ромашки. Если бы я была цветком, я бы хотела быть ромашкой.

Тихо... Ведь у меня и ушей нет. Вдруг вокруг меня сейчас целая стая птиц, напевающая свои песни. Интересно, кто бы это мог быть? Может, ласточки? Или совы? Сейчас ведь может быть ночь. А может быть, я у самого моря, и меня окружают сотни чаек, кружащих над головой.

Как же хочется услышать хоть что-то. Понять, что это скоро закончится. Не может же это длиться вечно. Я ведь проснулась. Так почему я словно всё ещё во сне? Я хочу почувствовать хоть что-то. Снова это ощущение одиночества... Снова? Но ведь это лишь начало моего существования. Откуда я могу знать, каково это? Наверное, все мы с самого начала существования знаем это чувство. Одиночество больше похоже на болезнь. Оно терзает. Оно мучает. Оно заставляет привыкать. И многие привыкают. Считают, что так и должно быть. Что быть одному – нормально.

Но ведь нормально у каждого своё. Если считать тягу к обществу нормой, то выходит, что человек не отличается от других животных. Ведь социальность – это следствие эволю-

ции. Живые существа поняли, что, объединившись, у них больше шансов выжить. Значит, человек – такое же животное, как и остальные. Значит, желание быть одиноким – всего лишь неисправность в мозгу.

Если же смотреть с другой стороны, считая, что люди выше всего остального сущего, то одиночество – это признак самодостаточности. Наверное. Я ведь не могу говорить за всех. Мне не нравится одиночество. Значит ли это, что я слаба и не могу справиться сама с собственными проблемами? Или это значит, что я здорова?

Да какие у меня могут быть проблемы? Я ведь даже не жива, во всеобщем понимании этого слова. Я не должна мыслить. Я не должна... Я хочу с кем-то поговорить...

И я впервые что-то ощутила. Толчок. Кто-то сбоку пытался меня подвинуть. И если бы у меня был голос, я бы рассмеялась от радости. Если бы у меня были глаза, я бы залилась слезами от счастья. Я здесь не одна. И это главное. Даже если я не могу с ним заговорить или увидеть... Почему же сразу с ним? Может, это она? Наверное, он/она может обидеться, если я буду называть его/её не так... Единственное, что я сейчас могу сделать, так это пнуть моего/ю нового/ую по/друга/у в ответ. А если ему/ей это не понравится? Вдруг он/она посчитает это нападением и снова меня пнёт? Как бы мы не начали войну за нашу не очень просторную цветочную поляну...

Он/она ведь такой/ая же, как и я. Но это не значит, что

мыслить мой/я новый/ая знакомый/ая будет так же, как и я. Для него/неё наше поле может быть школьным классом, или игровой площадкой, или очередью на кассе, или комнатой в общежитии, или пустынной дорогой, или пляжем, или больничным коридором, или планетарием, или тесным углом...

Вдалеке показался свет, медленно приближающийся к нам. Он/она поспешил/а туда первым/ой. Что ж, не буду ему/ей мешать. Там мы увидимся, так что мне надо произвести хорошее первое впечатление. Ещё совсем чуть-чуть. Совсем чуть-чуть, и я больше не буду одна...

– Констатирую... Мертворождение...

Глава 1. Белая лилия

Глава 1. Белая лилия

Солнце уже совсем скоро скроется за горизонт. А я всё ещё не могу оторвать взгляд от этой невероятной красоты. Наша деревня находится в небольшой долине и окружена холмами. Именно поэтому, когда поднимаешься чуть выше, она полностью вся предстаёт перед тобой. Такая беззащитная, маленькая и прекрасная. Прямо как цветы, которые покрывают почти всю её поверхность. Мне рассказывали, что раньше это помогало скрываться от воздушных набегов. Враг считал, что это обычное цветочное поле и не нападал. А когда война закончилась, люди оставили всё как есть в знак благодарности. И теперь всё – крыши и стены деревянных домов, поля, дороги – усеяно разнообразными цветами. И я рада, что родилась именно здесь, в этом крошечном уголке мира, похожем на райский сад...

– Так и знал, что найду тебя здесь...

Эти слова совсем не ложились на его тон. Хоть он и говорит, что знал, где я, скорее всего, он оббежал всю деревню, пока искал. Это так на него похоже. Всегда забывать, что я только сюда и прихожу. Наверное, именно об этом и говорила старушка-лекарь. Ему уже больше пятидесяти лет, поэтому память начинает подводить. Тем не менее он всё ещё может бегать по деревне, чтобы искать меня... Если и быть

старой, то такой же. Только ещё и чтобы с памятью проблем не было. И было бы идеально.

– Пошли уже домой.

Сказав это, он сел рядом и обнял меня. С самого утра, ещё до рассвета, он уходит на работу и возвращается только к этому времени. Мы почти не видимся. Наверное, поэтому я и стала сюда приходить. Когда же это было впервые? Даже не помню. Похоже, моя память тоже начинает давать осечки... Мне не хочется заставлять его так беспокоиться. Не хочу, чтобы после работы он ещё и тратил время на мои поиски, но я не могу отказаться от этого. Несколько лет назад я серьёзно заболела и не могла даже с кровати встать. Единственное, что я видела на протяжении недели, – это стены комнаты и лица двоих человек. И мне было так одиноко, что я не хотела даже кушать. Для меня этот вид – наша цветущая деревня – спасение от одиночества.

– Пошли, – повторил он, – а то ворота скоро закроют.

Хоть война давно закончилась, её отголоски будут преследовать наш мир ещё очень долго. И одним из таких отголосков являются мёртвые. Те, кто должен был упокоиться навеки. Проклятие смерти заставило их подняться, и теперь они скитаются по ночам, желая умертвить и других. Ещё каких-то полчаса, и деревню окружит целая толпа бездумно бродящих тварей, преследующих одну единственную цель. Я, конечно, ни разу их не видела, но все говорят так... Это ведь не может быть ложью... Вскочив, я ещё раз взглянула

на последние лучи солнца. Узкая протоптанная тропинка, о которой знали только мы вдвоём, вела нас домой.

Наш домик находился ближе к центру деревни, что, по логике, свидетельствовало бы о нашем высоком положении в обществе. На самом деле, всё совсем не так... Как только я открыла дверь, ароматный запах хлеба достиг моих рецепторов обоняния. На столе в нашей небольшой гостиной уже стояли корзина с выпечкой, кастрюля и чайник. Я едва пересилила желание тут же накинуться на еду и направилась к бочке с водой, чтобы сперва помыть руки.

Ели мы в тишине. Как всегда. Каждый мой день проходит одинаково, поэтому мне совсем нечем поделиться. В отличие от сидящего напротив меня... Но первой начинать разговор я не хотела. Он сам начнёт.

– После ужина иди сразу в свою комнату. Там тебя ждёт кое-что из сада.

Наша деревня была способна прокормить себя. Нас окружали плодородные поля, засаженные пшеницей и картошкой. Многие разводили животных. Но вот фрукты и ягоды добыть почти невозможно. Ближайший сад находится в десяти часах езды. Но проблема не в расстоянии. Весь свой урожай они отправляют в большие города. А значит...

– Ты снова уезжаешь?

– Всего на несколько дней. На соседнюю деревню в последнее время часто нападают мёртвые, поэтому наш отряд попросили помочь.

Естественно, их отряду заплатили как подобается. Но то, что к оплате ещё и добавили часть своего урожая, говорит о большой угрозе. Ведь всего за килограмм яблок придётся вывалить месячную заработную плату обычного стражника. И я уверена, он бы не стал тратить деньги на какие-то излишки...

– Хорошо, я постараюсь пораньше возвращаться домой.

– Я договорился с соседями, они будут приносить тебе завтрак и ужин.

К обеду я уже прихожу на своё место, поэтому пропускаю этот приём пищи. Да и не нужно мне столько есть.

– Спасибо.

– Когда вернусь, проверю, сколько заданий ты выполнила и сколько прочитала, так что не отлынивай в моё отсутствие. – Эти слова он должен был сказать строго, но вышло, как всегда, мягко и тепло.

– Хорошо. – заулыбалась я.

– Караван отправляется за час до рассвета, так что постарайся проснуться сама. И не забывай про уборку.

– Ага.

Встав с места, я подошла к нему и крепко обняла.

– Не переживай. Я скоро вернусь. Ты и без меня справишься. Ты же сильная, Лия.

– Да, папа. – и я уткнулась ему в плечо.

Мне не хотелось плакать. До этого момента во мне не было ни капли сожаления или горести, но едва он произнёс эти

слова, я не выдержала.

– Ну всё, иди спать, не то проснёшься только к обеду.

Кивнув, я смахнула слёзы со щёк и побежала к себе. Моя просторная комната осталась точно такой же, какой я её и оставила. На полках стояли десятки книг. На столе догорала свеча, пытаюсь освещать наполовину исписанный лист бумаги, перо и баночку чернил. Незаправленная кровать уже манила к себе. И я бы рухнула на неё, если бы не увидела у стола небольшую корзинку. Яблоко, груша, персик и гроздь винограда. Последний раз я получала подобное на свой день рождения. Всё это стоит гораздо больше, чем месячная плата папы... Меня начали одолевать тревожные мысли, но как только я взяла в руки один из фруктов, всё остальное показалось совсем неважным. Сладкий сок, словно эль взрослых, перекрывал любые другие эмоции.

Очнувшись от этого наваждения, я схватила корзинку и выбежала в гостиную. Папа сидел на том же месте, склонив голову над столом. Он был чем-то взволнован, но всем силами пытался не подавать виду.

– Что-то случилось? – он поднял голову.

– Ты не хочешь? – я протянула корзинку.

– Ты выросла такой доброй девушкой... Но я в своё время откусал достаточно фруктов. Можешь съесть всё сама.

– Ладно... Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – он встал и направился в свою комнату.

Решив оставить и на завтра немного, я тут же улеглась поудобнее и накрылась одеялом. Хотя сейчас и был тёплый конец лета, я не могла уснуть без одеяла. Пока что-то не накрывает меня, словно обнимая, я не могу почувствовать себя в безопасности.

Папа нечасто рассказывает о прошлом, поэтому многое мне приходится узнавать самой. Так я прочитала о временах до войны, когда все земли были плодородны. Тогда у всех была возможность кушать фрукты каждый день... Со всем как ребёнок рассуждаю. Разве это самое главное? Война унесла столько жизней, и даже сейчас от её последствий страдают многие.

Такие люди, как папа, в наше время очень важны. Они – единственное спасение от проклятия мёртвых. Страшно представить, что бы случилось с нашим миром, если бы у него не было таких защитников. Хотя стены и защищают нас ночью, если не уничтожать врага, то со временем он наберёт огромную армию, которую не будет по силам одолеть никому.

Интересно, откуда они вообще появляются? Ну, понятно же, что это мёртвые люди, но не могут же они сами встать после смерти. Кто-то за этим стоит. Ужасный человек, который желает всем смерти... Или же несчастный, который отчаялся и потерял веру в людей... По его вине погибли столько... Но надо ли его наказывать или же жалеть?

Завтра меня ждёт очередной обычный день. Правда, без

отца. Надо доказать, что я действительно сильная и со всем справлюсь сама!

Лучи солнца, словно мачеха нелюбимую падчерицу, будили меня жестоко и быстро. Я сначала пыталась укрыться, но они настойчиво продолжали. Если они так упорны, значит, мне действительно надо вставать... Тёмные занавески, которые должны были защищать меня от утреннего нападения, были распахнуты. Наверное, папа понял, что сама я не проснусь, вот и поручил это солнцу...

– Не обижайся только, но папа меня будит заботливее, поэтому не привыкай к своей новой обязанности... Он скоро вернётся...

В гостиной, как и каждые утро и вечер, стояли корзина с выпечкой, кастрюля и чайник. Я никогда не видела, как соседи их приносят... и никогда их за это не благодарила. Уверена, папа их благодарил, но сейчас его нет дома, поэтому должна я... Сегодня пораньше вернусь, чтобы застать их.

Утренние процедуры всегда мне не нравились. Мыть лицо и чистить зубы слишком сложно сразу после пробуждения... Опять плохие мысли в голову лезут. Папа ведь говорил, что если этого не делать, то потом я могу заболеть. А мне совсем не хочется снова лежать целую неделю дома, в одиночестве... Готово. Теперь осталось только позавтракать

и можно браться за учёбу.

Папа рассказывал, как *раньше дети вместе ходили в школы. Там было много учителей, и каждый вёл свои уроки. Арифметику – один, правописание – второй, историю – третий... После войны всё поменялось. Знания стали никому не нужны. Для выживания новым поколениям приходилось становиться либо стражниками, либо земледельцами. Ни для того, ни для другого не нужны были знания. Конечно, остались и те, кто хотел просто для себя узнавать о мироздании, но никто не был готов платить учителям за их знания. Они понимали, что искать в маленьких деревнях, вроде нашей, нечего, и уезжали. Теперь единственный способ обрести знания – учиться самому...*

Если бы меня спросили, какая книга моя любимая, я бы не смогла ответить. Все они такие разные и увлекательные. И каждой я должна выделить хотя бы час в неделю. Именно так и проходит моё утро. Читаю, записываю интересные цитаты, решаю задачки. А когда наступает полдень...

Меня ждёт полянка. Мой райский уголок... который уже кто-то занял...

Девушка сидела на моём месте, не отрывая взгляда от деревни. Я её прекрасно понимаю. Такую красоту нечасто увидишь... но что делать мне? Подойти и попросить её уйти будет некультурно. Просто сесть рядом? Вариант получше, но тоже не пойдёт. Может, она сейчас не хочет никого видеть...

– Привет. – она резво вскочила и подбежала. – Тоже при-

шла полюбоваться видами? Тут так спокойно, я даже не сразу тебя заметила.

– Привет... Да, я каждый день сюда прихожу...

– Вот как? – она удивилась. – Значит, у нас похожие вкусы. Тогда нам будет легко подружиться. Меня зовут. А тебя?

– Лилия... Но папа говорит – Лия...

– Я тебя тоже так буду звать. Не против?

– Нет...

– Отлично! – и она снова села на моё место. – Лия, если ты приходишь сюда каждый день, то ты, наверное, любишь цветы?.. Садись уже давай, чего стоишь?! Какие твои любимые?

– ... – я тут же села рядом. – Не знаю... Все цветы такие красивые... Сирень у ратуши будто держит здание в своих нежных объятиях. Она тихая и заботливая, совсем как старушка-лекарь, которая приходила ко мне. Орхидеи, хоть и прекрасны, не гордятся собственным статусом. Они так умиротворённо свисают со стен домов, будто всегда там жили. Они мне напоминают придворных дам, одетых в пышные платья, но готовые в любой момент приняться за работу. А вот от гладиолуса прямо веет гордостью, причём с виду он не такой уж и величественный. Хвастливый стражник, который выпятил грудь, рассказывая о своих вымышленных подвигах. Но он не плохой, просто мечтатель. Пион – это герцог. Роскошный и грациозный. Гвоздика похожа на старушку, но не такую, как сирень. Эта строгая, но всё равно добрая. Она боится, что кто-то может пораниться, поэтому и всё время

ругает других. Например, ландышей. Они, как малыши, маленькие и хрупкие. И любой может случайно их растоптать. А тюльпаны уже повзрослее. Мальчишки, которые так и норовят сделать какую-то пакость. Но потом они сразу же извиняются. Вон там, прямо у входа в деревню стоят нарциссы и роза. Первый пытается за ней ухаживать, но он слишком самовлюблённый, чтобы идти хоть на какие-то уступки. Роза прекрасна, но и она с характером. Только и язвит ему. Когда-нибудь они точно будут вместе, но это точно не скоро случится. А рядом с ними невозмутимо стоит гиацинт. Он, будто бывалый стражник, всматривается вдаль. Но не стоит забывать и про подсолнухи. Это солдаты под командованием гиацинта. Они окружают деревню и не пропустят ни одного врага. На полянках веселятся ромашки. Пшеница – трудяга, без которой у нас не было бы хлеба...

– Хватит. – девушка заулыбалась. – Я ведь просто спросила про один цветок. Как ты вообще перевела тему на пшеницу?

– ... – как мне выбрать один цветок, если они все прекрасны?

– Ладно, скоро обед. – она вскочила и побежала к деревне. – Пошли, угощу тебя чем-нибудь!

– Хорошо... – кивнув, я встала и поспешила за ней.

Её дом находился совсем рядом со стенами деревни, и он совсем не похож на наш. Старенький, низенький. Крыша из соломы. Крошечные окошки... Прямо как из каких-то

сказок. Наверное, жить в таком очень весело. Особенно, если у неё есть братья или сёстры.

– Не стесняйся, проходи. – распахнув дверь, она зашла первой.

Я прошла за ней и потянула дверь за собой. Внутри было мрачно. Едва различались силуэты небольшого стола, печи и кровати. Затхлый запах придавал этому месту ещё больше загадочности.

– Можешь не закрывать, не то мы вообще ничего видеть не будем. – и она снова распахнула дверь.

– Чего ты там шумишь, дурная! – раздался крик из печи, отчего я вздрогнула. – Собиралась же весь день где-то шляться!

– Ты как со старшей сестрой говоришь, придурочный?!

– Иди лучше приготовь что-нибудь покушать, а то батя с утра всё сожрал. Нам даже немного картошки не оставил. – он спрыгнул с печи.

Это был мальчик. В широковатых для него брюках, штанины которых были закатаны. Рваная грязная рубаша тоже была великовата. Растрёпанные волосы говорили, что он совсем недавно ещё спал.

– Я и без твоих советов знаю, что делать. Иди воду принеси.

– Откуда у тебя это платье? Украла что ли?

– Ещё одно слово, и у тебя на обед будет собственное... Иди давай. Я без воды не смогу ничего приготовить.

– Ладно-ладно, госпожа придворная дама.

– Это ещё что значит?! – закричала она, но мальчик уже выбежал из дома.

Странно, что он заострил внимание на её платье. Оно ведь обычное...

– Извини за него. Если тебе он будет мешать, скажи, я ему ещё какую работу найду, чтобы он исчез на подольше.

– Ничего... Он забавный...

– Стой тут. Я быстро переоденусь, и начнём готовить.

Я никогда не готовила. Надеюсь, она сейчас не поручит мне что-то важное. Не хочется упасть лицом в грязь перед моей новой подругой... Единственной подругой... Может, у меня было бы много друзей, если бы я хоть с кем-то общалась. Но я попросту не знаю, о чём говорить. А она сама начала. Ещё и домой пригласила... Надо будет извиниться и спросить снова, как её зовут. Глупая моя голова!

– Отлично! Можно приступать! – её громкий голос оторвал меня от мыслей. – Ты садись, где тебе удобно, а я пока приготовлю всё. Останется только воду дождаться.

Теперь и она была в грязном, потрёпанном пёстром платье... Какого же цвета было предыдущее? Я точно помню, что одноцветное. Вроде бы, голубое... Или синее... Не помню...

– Может... Тебе помочь?... – неуверенно начала я.

– Спасибо, но я и сама справлюсь. К тому же, ты своё прекрасное платье испачкаешь. Но ты можешь помочь не с го-

товкой. — и она замолчала.

— С чем?.. — только бы не что-то, чего я не умею.

— Просто поболтаем. Так работать гораздо легче.

Я боялась, что мне поручат резать продукты или месить тесто, но этому я, наверное, могла бы обучиться. А вот разговаривать... Мне очень хочется. Невыносимо хочется. Но о чём я могу говорить?

— Что ты обычно делаешь? — протерев табуретку, она поднесла её мне. — Не сидишь же целыми днями на той поляне?

— Обычно... — я присела. Что я ещё делаю? — Учусь...

— Интересно, и чему? — сев чуть дальше, она поставила перед собой ведро с мутной водой и начала мыть овощи.

— Сегодня были геометрия, философия и живопись...

— Меня только считать и читать учили, но мне не понравилось. Слишком скучно. Надо на одном месте сидеть и ничего не делать. Но ты рассказывай.

— По геометрии я изучала площадь неправильных прямоугольников...

— И почему же они неправильные? — она оторвала взгляд от воды.

— У них углы не прямые... У квадрата, например, прямые, а у них — нет...

— А, понятно. В их честь площадь есть что ли?

— Нет... — я даже головой закачала. — Площадь — это... их размер...

— И зачем тебе это нужно?

– Папа говорит, что это очень важно... Можно высчитать размеры полей и заранее узнавать, сколько нужно семян для посева и примерное количество урожая...

– Серьёзно?! Если так, то это действительно важно! Научишь и меня?!

– Да... Сначала надо измерить периметр поля... И ещё все его неровности, которые отличают его от квадрата... Мне нужна бумага и карандаш. Так быстрее будет...

– Я завтра могу с утра к тебе домой прийти. Всё объяснишь.

– Хорошо... – я решительно кивнула.

– Что там у тебя дальше было?

Я уже собиралась зачитать на память отрывок из одного философского послания, но мои мысли сбил мальчик, ворвавшись в дом.

– А эта чего не работает? – буркнул он, небрежно поставив ведро рядом с сестрой, отчего немного воды расплескалось по полу. – Ишь, расселась...

– Отец тебя в детстве мало бил. Надо было мне ему с этим помогать.

– А ты-то чего злишься? Ладно, я пойду к парням. – схватив какую-то деревяшку с подоконника, он снова выбежал на улицу. – Чтобы обед был готов, когда я вернусь!

– Если к нам опять придут ругаться за разбитое стекло, то на неделю без еды оставлю! – поменяв вёдра, она вернулась на своё место. – Нет на него управы. Всё время во что-то

связывается со своими друзьями.

– *Постоянное общение с дурными развивает дурные задатки...*

– Верно! Дурные!.. А ты умеешь слова выбирать.

– Это один философ сказал...

– Вот как. Умный, наверное, дядька. Мелкому стоит с таким поговорить. Может, что-нибудь и поймёт.

– Он жил тысячу лет назад... Этот философ...

– Откуда ж ты тогда знаешь, что он сказал?

– Так в книге написано... – неуверенно ответила я. Меня никогда не волновал этот вопрос.

– А представь, кто-то просто придумал эту фразу и решил выдать её за мысль древнего мудреца. Вот умора.

– Зачем ему это?.. – разве это не глупо?

– Кто ж его знает. Вон ты у нашего спроси, чего он с рогаткой носится целыми днями. Хрен он тебе ответит. Сам потому что не знает. Люди иногда делают что-то, сами не понимая, зачем им это... О как! Совсем как твой философ сказала.

– Да, очень похоже... – заулыбалась я.

– Так, почти готово. Осталось только на огонь поставить. Подожди минутку. Надо огонь разжечь.

– А это не опасно?..

– Мне в этом году девятнадцать будет. Чего там опасно-го?.. – она притихла на секунду. – А кто у вас печь разжигает, если твой отец всё время на работе пропадает?

– Соседи помогают... – виновато опустила я голову.

– Хочешь научу? Это совсем не сложно.

Хоть папа всегда говорил, что с ножами и огнём играть не стоит, мне было очень интересно узнать, каково это – сотворить пламя. Страх снова заболеть всё ещё сковывал мой язык, чтобы я не могла ответить, и сил мне хватило, лишь чтобы кивнуть. Но и этого было достаточно. Улыбнувшись, она выбежала из дома... А может не стоило? Ещё есть время передумать. Но тогда единственная моя подруга посчитает меня трусихой...

– Этого должно хватить. – она вывалила на пол рядом с печью расколотое полено, немного щепок и сухой травы. – Теперь спички! – достав две, она протянула мне одну. – Запихиваем сначала то, что легко примет огонь и распространит, а потом уже дерево. Чирк! И кидаем туда.

За секунду крошечный огонёк разросся до целого пламени, объяв всё пространство печи. Внезапно и мне захотелось чиркнуть спичкой. Чирк! И тоненькая деревяшка в моих пальцах загорелась. Красное пламя медленно опускалось всё ниже. Странно... Я ведь точно помню, что дома огонь был другого цвета...

– Ты чего?! – крикнула она и, выбив у меня из рук спичку, растоптала её. Хорошо, что они дома в обуви ходят... – Покажи!

– Что?.. – я отстранилась, не понимая, чего она от меня хочет.

– Пальцы! – схватив меня за руку, она потянула к себе. – Божечки! У тебя ожог останется!

– Где?! – с любопытством я уставилась на покрасневшие большой и указательный пальцы. – Ожог...

– Тебе совсем не больно?

– А от этого должно быть больно?..

– Ладно, проехали. Окуни руку в холодную воду. Я сейчас.

Разве больно – это не когда тебе одиноко? Папа ведь говорил, если больно, значит, я болею. А если болею, то мне нельзя на улицу. Так что...

– Давай сюда пальцы. – выпалила она, сев напротив.

– Мне с тобой вообще не больно. – заулыбалась я, выполнив приказ.

Она молча обматывала мою руку чистой белой тканью, что-то бормоча. Расстроилась? Из-за того, что мне не больно? Или дело в другом? Но я боюсь спросить. Вдруг, ещё больше её расстрою...

– Теперь сиди тут спокойно. – буркнула она и вернулась к печи, но через мгновение снова заговорила. – И часто ты так ранишься?

– Не знаю... Если крови нет, то всё в порядке...

Она лишь вздохнула и села рядом.

– Ты... сердисься?.. Пожалуйста, прости...

– Ты чего? – она покосилась на меня. – Задумалась просто.

Похоже, ты боли не чувствуешь. Иногда это хорошо, но ты ведь запросто можешь умереть, даже не осознавая этого...

Бр-р-р, страшно.

— Папа всегда меня спасает, если со мной что-то такое случается. У него в волшебном ящике лекарства от всех болезней... Но он уехал...

— Хорошо, когда ты скучаешь по родным. У меня они только презрение вызывают. Мама сбежала от нас сразу после рождения братца. Отец, хоть и трудяга, все деньги спускает на выпивку, а когда домой придёт, то лучше от него прятаться. Брату только веселье подавай. Уверена, через несколько лет пойдёт по стопам отца... Я тебе даже завидую... Так, суп уже можно подавать.

В моей голове мелькнула идея, но, как и всегда, я побоялась произнести её вслух... После еды я обязательно это скажу! Она насыпала две тарелки, вытащила из мешка несколько кусков хлеба и пригласила к столу.

— Кстати, то, что ты не чувствуешь боли, наверное, тоже какая-то болезнь, значит, это можно вылечить. — она приблизилась и заговорщически прошептала. — Ты слышала что-то про цветок, способный излечить от чего угодно?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.